Использование информации о содержании конфиденциальных бесед обвиняемого с его адвокатами, явно полученной с нарушениями требований закона, является недопустимым поводом для инициирования дисциплинарного разбирательства против адвокатов.

Использование информации о содержании конфиденциальных бесед обвиняемого с его адвокатами, явно полученной с нарушениями требований закона, является недопустимым поводом для инициирования дисциплинарного разбирательства против адвокатов. Размещение адвокатами в средствах массовой информации сведений об условиях содержания их доверителей и иных лиц в следственных изоляторах, в том числе сообщенных адвокатам в ходе конфиденциальных бесед с доверителями, не является дисциплинарным проступком.

Совет Адвокатской палаты города Москвы… рассмотрел в закрытом заседании 30 апреля 2019 г. с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е., адвокатов Д. и Я. дисциплинарное производство в отношении адвокатов Д., Г., К., М., Т., Я. …возбужденное по представлениям Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 7 февраля 2019 г. …основанному на обращении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации… и заместителя директора ФСИН России… и от 13 марта 2019 г. … основанному на обращении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации…

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 10 апреля 2019 г. дисциплинарное производство в отношении всех указанных выше адвокатов подлежит прекращению вследствие отсутствия в их действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. в заседании Совета подтвердила получение заключения Квалификационной комиссии, с которым не согласилась. Считает, что комиссия необоснованно отклонила ее ходатайство об истребовании дополнительных материалов от Федеральной службы исполнения наказаний России, что отразилось на объективности и полноте дисциплинарного разбирательства. Полагает необходимым возвратить дисциплинарное производство в Квалификационную комиссию для нового разбирательства.

Адвокаты Д. и Я. в заседании Совета подтвердили получение заключения Квалификационной комиссии, с которым полностью согласились. Адвокаты Г., К., М., Т. в заседание Совета не явились, ходатайствовали о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие.

…Рассмотрев заключение Комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его явившихся участников, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства. Вместе с тем Совет полагает необходимым изменить основание прекращения дисциплинарного производства. Приходя к таким выводам, Совет исходит из следующего. Как следует из содержания ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, для признания обращения допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства необходимо соблюдение совокупности требований, предусмотренных п. 1, 2, 4–6 указанной статьи.

В соответствии с подп. 3 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката поводом для возбуждения дисциплинарного производства является представление, внесенное в адвокатскую палату органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры. Совет разделяет вывод Квалификационной комиссии о том, что Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту Российской Федерации является органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры. Таким образом, представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве могут являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

В соответствии с подп. 6 и 7 п. 2 статьи 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба, представление, обращение признаются допустимыми поводами к возбуждению дисциплинарного производства, если они поданы в письменной форме и в них указаны, в том числе, конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса; обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Данные требования в равной мере относятся к

любому обращению в адвокатскую палату о возбуждении дисциплинарного производства, от кого бы это обращение ни исходило. Между тем представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве… явившиеся поводами для возбуждения настоящего дисциплинарного производства, указанным требованиям явно не соответствуют.

Так, в представлении в отношении адвокатов Г., Д., К., Я. со ссылкой на послужившие основаниями для их внесения в Адвокатскую палату города Москвы обращения заместителя Генерального прокурора Российской Федерации… и заместителя директора ФСИН России… которые автор представлений просит считать частью последних, указано:

«…По информации, представленной УФСИН России по г. Москве, адвокаты Г., Д., К., Я. являются защитниками обвиняемого Ш. …содержащегося в ФКУ СИЗО-… УФСИН России по г. Москве.

Обвиняемый Ш. заключен под стражу… по постановлению об избрании меры пресечения ГСУ СК РФ, утвержденной Б. районным судом г. Москвы по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Также установлено, что за время содержания Ш. под стражей в учреждениях УФСИН России по г. Москве его неоднократно посещали адвокаты Г., Д., К., Я. Во время свиданий Ш. рассказывает им о различных мероприятиях и процессах, происходящих в следственных изоляторах, проблемах, связанных с медицинским обеспечением.

…в ходе проверки соблюдения федерального законодательства в части обеспечения режима содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в следственных изоляторах в г. Москве выявлены факты размещения в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” публикаций о материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении, а также иных условиях содержания подозреваемых и обвиняемых в СИЗО.

В ходе изучения вышеуказанных доводов Главным управлением установлено, что в период содержания Ш. под стражей на интернет-порталах… доступных для неограниченного круга лиц, от его (Ш.) имени неоднократно размещались статьи, в которых описываются условия содержания спецконтингента в целом и лично Ш.

Так, на сайте … размещены следующие статьи… [далее перечислены пять статей. – Примеч. Совета].

Учитывая, что Ш., находясь в следственном изоляторе, лишен возможности лично размещать в сети “Интернет” указанную информацию, Главное управление считает возможным согласиться с доводами должностных лиц Генеральной прокуратуры Российской Федерации и ФСИН России о причастности адвокатов Г., Д., К., Я. к вышеупомянутым публикациям либо о передаче сведений, которые стали им известны в ходе свиданий с Ш., для дальнейшего публикования».

Идентичные, текстуально совпадающие сведения и выводы содержатся и в представлении в отношении адвокатов М. и Т., основанном на обращении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации… которое автор представления также просит считать его частью.

Таким образом, согласно содержанию представлений и их неотъемлемых частей, обращений заместителя Генерального прокурора Российской Федерации… и заместителя директора ФСИН России… требование о привлечении адвокатов Г., Д., К., М., Т. и Я. к дисциплинарной ответственности выдвинуто лишь на основании того, что:

– они являлись или являются защитниками Ш., содержащегося под стражей, и в качестве защитников посещали его в следственных изоляторах, в которых он содержался;

– заместителю Генерального прокурора Российской Федерации… и заместителю директора ФСИН России… известно, что «во время свиданий Ш. рассказывает им [своим адвокатам-защитникам. – Примеч. Совета] о различных мероприятиях и процессах, происходящих в следственных изоляторах, проблемах, связанных с медицинским обеспечением»;

– «в период содержания Ш. под стражей на интернет-порталах… доступных для неограниченного круга лиц, от его (Ш.) имени неоднократно размещались статьи, в которых описываются условия содержания спецконтингента в целом и лично Ш.»;

– «учитывая, что Ш., находясь в следственном изоляторе, лишен возможности лично размещать в сети “Интернет” указанную информацию», следует «согласиться с доводами должностных лиц Генеральной прокуратуры Российской Федерации и ФСИН России о причастности его адвокатов к вышеупомянутым публикациям либо передаче сведений, которые стали им известны в ходе свиданий с Ш., для дальнейшего публикования».

При этом в представлениях не содержится никаких сведений, предусмотренных подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, а именно отсутствуют указания на конкретные действия (бездействие) адвокатов Д., Г., К., М., Т. и Я., в которых, по мнению заявителя, выразилось нарушение ими требований законодательства об адвокатской

деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, и на обстоятельства их совершения (дата, время, место, способ и пр.).

Предположительный вывод заявителя о возможной причастности указанных адвокатов «к вышеупомянутым публикациям либо передаче сведений, которые стали им известны в ходе свиданий с Ш., для дальнейшего публикования», во-первых, сам по себе не свидетельствует о каких-либо нарушениях законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а во-вторых, основан лишь на том обстоятельстве, что перечисленные адвокаты являлись защитниками Ш. и посещали его в следственных изоляторах, а также на голословном утверждении об отсутствии у Ш. возможности лично размещать информацию на интернет-порталах.

Не приведены заявителем и критерии, по которым из всех адвокатов, посещавших Ш. в следственных изоляторах, причастными к публикациям (причем ко всем без исключения) определены именно поименованные в представлениях адвокаты, даже без сопоставления дат посещения ими обвиняемого Ш. в следственных изоляторах с датами публикаций, приписываемых последнему статей.

Совет особо отмечает, что содержание представлений и их неотъемлемых частей, обращений заместителя Генерального прокурора Российской Федерации… и заместителя директора ФСИН России… в части, касающейся изложения содержания вопросов, которые обсуждались во время свидания Ш. с его адвокатами-защитниками, свидетельствует о грубых нарушениях конституционных гарантий Ш. на конфиденциальные свидания с адвокатами-защитниками, закрепленных ст. 48 Конституции РФ и п. 9 ч. 4 ст. 47 УПКРФ, а также о нарушении требований ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», согласно которой «свидания подозреваемого или обвиняемого с его защитником могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать», п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ и п. 5 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», прямо закрепляющих право адвоката встречаться со своим доверителем (в том числе, в период содержания его под стражей) наедине и конфиденциально.

Более того, в письме начальника УФСИН России по городу Москве… приложенном к представлениям, содержатся сведения о том, что: «обвиняемый Ш. во время проводимых свиданий с указанными лицами [имеются в виду все посещавшие Ш. в следственных изоляторах адвокаты. – Примеч. Совета] рассказывает им о различных мероприятиях и процессах, происходящих в следственных изоляторах, например, в частности, касаемо проблем, связанных с медицинским обеспечением спецконтингента в целом. Также в целях получения поддержки и привлечения общественного внимания распространяет информацию

о содержащихся в следственных изоляторах лицах, обвиняемых в совершении преступлений, вызвавших большой общественный резонанс, на фоне этого пытается привлечь внимание и донести до общественности недостоверные данные о том, что его уголовное дело сфабриковано сотрудниками Федеральной службы безопасности России, что он задержан неправомерно».

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что представления о привлечении адвокатов Г., Д., К., М., Т. и Я. к дисциплинарной ответственности основаны не только на неконкретной информации, не содержащей в себе какого-либо предмета оценки на соответствие профессионального поведения указанных адвокатов требованиям законодательства и профессиональной этики, но и на информации, полученной в результате незаконного осуществления контроля содержания свиданий обвиняемого Ш. с его адвокатами-защитниками. Использование информации о содержании конфиденциальных бесед Ш. и его адвокатов-защитников, явно полученной с нарушениями требований закона, для инициирования дисциплинарного преследования этих адвокатов, вызывает особое недоумение и является вдвойне недопустимым.

Совет также отмечает, что адвокаты Г., Д., К., М., Т. и Я. в своих объяснениях, как и их доверитель Ш. в своем письменном заявлении в Адвокатскую палату города Москвы от 20 февраля 2019 г., поступившем из ФКУ СИЗО-… ФСИН России… категорически отрицают получение от Ш., равно как и передачу им каких-либо запрещенных предметов либо информации незаконными способами. Сведений об обратном в представлении, включая его указанные выше неотъемлемые части, не содержится. Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. подтвердила, что такой информацией в отношении адвокатов, перечисленных в представлениях, она не располагает. Из письма начальника УФСИН России по городу Москве… следует, что фактов изъятий запрещенных предметов у адвокатов-защитников, посещавших Ш. в ФКУ СИЗО-… и ФКУ СИЗО-… УФСИН России по городу Москве, не зафиксировано.

Совет отклоняет как несостоятельные и противоречащие закону доводы представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. о том, что органы адвокатского самоуправления должны сами провести проверку указанных обстоятельств, а также о том, что «адвокатура как институт гражданского общества, которая не входит в систему государственных органов, не должна размещать информацию о деятельности государственных органов, поскольку это не предусмотрено законом, и создает условия для размещения недостоверной информации». Само по себе размещение адвокатами-защитниками в средствах массовой информации сведений об условиях содержания их доверителей и иных лиц в следственных изоляторах, в том числе сообщенных адвокатам в ходе конфиденциальных бесед с доверителями, не является дисциплинарным проступком, поскольку право каждого свободно выражать свое мнение

закреплено в п. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Каких-либо ограничений данного права для этих случаев законодательством Российской Федерации не установлено.

Согласно ст. 4 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» принципы открытости и доступности информации, а также свободы поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности этих органов любым законным способом относятся к основным принципам обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

В силу требований п. 1 ст. 5 названного закона доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления ограничивается в случаях, если указанная информация отнесена в установленном федеральным законом порядке к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну.

Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и иные законодательные акты не относят сведения об условиях содержания лиц в следственных изоляторах к охраняемой законом тайне.

Соглашается Совет и с доводом адвокатов, поддержанным Квалификационной комиссией, о том, что, помимо версии о причастности защитников к публикациям, можно выдвинуть еще целый ряд версий о том, как статьи, авторство которых приписывается Ш., могли быть получены и опубликованы средствами массовой информации и иными интернет-ресурсами.

Ш. в своем вышеуказанном заявлении в Адвокатскую палату города Москвы полагает, что «нападки Прокуратуры и Минюста» на его адвокатов являются способом оказания на него давления.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в связи с обнаружившимся при разбирательстве дисциплинарного производства Советом отсутствием допустимого повода для его возбуждения.